

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ТЕСС ГЕРРИТСЕН

Серия о Джейн Риццоли

и Мауре Айлз

Хирург

Ученик

Грешница

Двойник

Смертницы

Клуб Мефисто

Хранитель смерти

Гиблое место

Гробовое молчание

Умереть снова

■

Жатва

Бешенство

Лихорадка

Химера

Сад костей

Пропавшая девушка

Игра с огнем

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

УМЕРЕТЬ СНОВА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г 39

Tess Gerritsen
DIE AGAIN
Copyright © 2015 by Tess Gerritsen
All rights reserved

Перевод с английского Григория Крылова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки
Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-09079-8

© Г. Крылов, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2016
Издательство АЗБУКА®

Левине посвящается

Дельта Окаванго¹, Ботсвана

В косых лучах рассвета виден след, едва заметный, словно водяной знак, вдавленный в проплешину на земле. Будь это середина дня, когда жаркое и яркое африканское солнце нещадно палит с зенита, я бы ничего не разглядела, но ранним утром даже малейшие впадины и ямки образуют тени, и, когда я выбираюсь из нашей палатки, этот единственный отпечаток лапы привлекает мое внимание. Я сажусь рядом с ним на корточки и покрываюсь холодным потом от внезапного осознания: пока мы спали, единственной нашей защитой был тонкий палаточный брезент.

Распахивается клапан палатки, и появляется Ричард, он довольно кряхтит, распрямляется и потягивается, вдыхает запах росистой травы, дымка и завтрака, который готовится на костре. Запахи Африки. Это путешествие — мечта Ричарда, и только Ричарда, мне ничего подобного и в голову не приходило. Я всегда потакаю бойфренду в его желаниях. Режим по умолчанию: «Конечно, я согласна, дорогой». Даже если это подразумевает двадцатичетырехчасовой полет на трех разных самолетах: из Лондона в Йоханнесбург, оттуда в Маун², а потом в буш, причем последний самолет — рахи-

¹ Окаванго — река в Юго-Западной Африке. Дельта Окаванго — самая большая внутренняя дельта планеты, не имеющая стока в Мировой океан. Находится на территории Ботсваны, главный источник воды в этом регионе, примыкающем к пустыне Калахари.

² Маун — небольшой город в Ботсване.

тичная этажерка, за штурвалом которой сидит пилот, еще не протрезвевший после вчерашнего. Даже если это означает две недели жизни в палатке, постоянные сражения с комарами и необходимость справлять нужду за кустиком.

Даже если это означает, что я могу умереть; а именно об этом я и думаю, глядя на след, оставленный в земле всего в трех футах от того места, где спали ночью мы с Ричардом.

— Нет, ты почувствуй, какой воздух, Милли! — радостно вопит Ричард. — Нигде больше нет такого душистого воздуха!

— Здесь был лев, — говорю я.

— Хорошо бы собрать в бутылочку и привезти домой. Вот это был бы сувенир! Запах буша!

Он меня не слушает. Он слишком опьянен Африкой, слишком захвачен этой своей великой фантазией: белый искатель приключений на Черном континенте, где все великолепно, все блестяще, даже вчерашний ужин — консервированная свинина с бобами, которую он объявил «самой замечательнейшей едой на свете».

Я повторяю громче:

— Здесь был лев, Ричард. Рядом с нашей палаткой. Он мог запросто порвать брезент.

Я хочу, чтобы он начал волноваться, чтобы сказал: «О боже, Милли, это серьезно».

Но вместо этого он беззаботно кричит ближайшим нашим соседям:

— Эй, смотрите-ка! Ночью сюда приходил лев!

Первыми к нам присоединяются две девушки из Кейптауна, их палатка рядом с нашей. У Сильвии и Вивиан голландские фамилии, которые я не могу ни произнести, ни написать. Им обеим за двадцать, они загорелые длинноногие блондинки, и поначалу я их с трудом различала, пока Сильвия не заявила раздраженно: «Слушайте, Милли, мы с ней вроде не близнецы! Разве вы не видите, что у Вивиан голубые глаза, а у меня — зеленые?» Девуцы присаживаются

по обе стороны от меня и разглядывают след лапы, и тут я замечаю, что они и пахнут по-разному. Голубоглазая Вивиан пахнет травой-зубровкой, это свежий, без малейшей горечи запах юности. Сильвия пахнет как лимонный лосьон, которым постоянно мажется, чтобы отгонять комаров: «Репелленты ведь ядовиты, вы знаете?» Они сидят по бокам от меня, как две светловолосые богини при входе в храм, и я, конечно, тут же замечаю, что Ричард снова заглядывает в низкий вырез майки Сильвии, откровенно демонстрирующий ложбинку между грудей. Девушке, горячо возражающей против применения репеллентов, не следовало бы обнажать столь большие поверхности лакомой кожи.

Естественно, Эллиот немедленно присоединяется к нам. Он всегда рядом с блондинками, с которыми познакомился всего несколько недель назад в Кейптауне. С тех пор он не отходит от них, как верный щенок, надеющийся, что ему уделят капельку внимания.

— Это свежий отпечаток? — взволнованно спрашивает он. Слава богу, хоть кто-то разделяет мое беспокойство.

— Вчера я его здесь не видел, — говорит Ричард. — Вероятно, лев приходил прошлой ночью. Только представьте: вышли вы по естественным надобностям и столкнулись с ним!

Он рычит и, согнув пальцы как когти, замахивается на Эллиота, который тут же отшатывается. Ричард и блондинки смеются, Эллиот — это для всех разрядка смехом, озабоченный американец, чьи карманы набиты салфетками и баллончиками от насекомых, кремами от загара и дезинфицирующими средствами, антиаллергенными пилюлями, таблетками для очистки воды и всеми прочими возможными средствами выживания.

Я не смеюсь вместе со всеми.

— Кстати, чья-нибудь жизнь вполне могла бы здесь и закончиться, — замечаю я.

— Но именно так и случается на настоящих сафари, разве нет? — весело говорит Сильвия. — Вы ведь в буше со львами.

— Похоже, это не самый большой лев, — говорит Вивин, вглядываясь в отпечаток. — Может, самка, как думаешь?

— Самец или самка — сожрет и не поперхнется, — бормочет Эллиот.

Сильвия игриво шлепает его:

— Ой-ой. Неужели испугался?

— Нет. Я, вообще-то, думал, что Джонни преувеличивал, когда проводил с нами беседу в первый день: «Оставайтесь в джипе. Оставайтесь в палатке. Иначе смерть».

— Слушайте, Эллиот, если хотите абсолютной безопасности, то надо было идти в зоопарк, — говорит Ричард, и блондинки хохочут, слыша его колкое замечание.

Все кричат «ура» Ричарду, настоящему альфа-самцу. Подобно героям написанных им романов, он тот самый человек, который берет на себя ответственность и спасает положение. Или думает, что спасает. Здесь, в этих диких местах, он на самом деле всего лишь еще один бестолковый лондонец, однако ему удастся создать впечатление, будто он специалист по выживанию. И сегодня утром меня это ужасно раздражает, как будто мало того, что я голодна и не выспалась, а теперь меня еще и гнус нашел. Комары всегда меня находят. Стоит мне выйти наружу, им словно кто-то сигналил колокольчиком: обед готов. А я начинаю хлопать себя по шее и лицу.

Ричард зовет нашего африканского следопыта:

— Кларенс, идите-ка сюда. Взгляните, кто к нам ночью приходил в гости.

Кларенс, попивавший кофе у костра с мистером и миссис Мацунага, неторопливо идет к нам с жестяной кружкой и присаживается рядом с отпечатком.

— След свежий, — заявляет Ричард, новый специалист по бушу. — Лев прошел здесь, вероятно, прошлой ночью.

— Не лев, — говорит Кларенс. Он, прищурившись, смотрит на нас, его черное лицо поблескивает в лучах утреннего солнца. — Леопард.

— Откуда вы знаете? По отпечатку одной-единственной лапы?

Кларенс рисует пальцем в воздухе над отпечатком:

— Видите, это передняя лапа. Форма круглая, как у леопарда. — Он поднимается и оглядывает местность. — И это только одно животное, значит охотится в одиночку. Да, это леопард.

Мистер Мацунага снимает отпечаток своей гигантской камерой «никон», у которой телеобъектив похож на какой-то космический аппарат. На нем и его жене одинаковые куртки для сафари, брюки хаки, легкие шарфики и шляпы с широкими полями. Одежка у них одинаковая вплоть до малейшей детали. В облюбованных туристами местах по всему миру можно найти такие пары, облаченные в одинаковые чужеземные одеяния. Когда смотришь на них, то кажется, что они проснулись утром и подумали: «А не насмешить ли нам сегодня мир?»

Солнце поднимается все выше, размывая тени, так четко очерчивавшие отпечаток лапы, и, спеша опередить его, остальные туристы щелкают камерами. Даже Эллиот достал свой карманный фотоаппарат, но, похоже, лишь потому, что то же самое сделали все остальные, а он не хочет быть белой вороной.

Только я не стала фотографировать. Ричард нащелкал столько, что хватит нам обоим, а он снимает на «кэнон» — «ту самую камеру, которой пользуются фотографы „Нэшнл джиографик“!» Я прячусь в тень, но даже там, где солнце меня не достает, чувствую, как из-под мышек текут ручейки пота. Жара усиливается. В буше каждый день — пекло.

— Теперь вы понимаете, почему я требую, чтобы вы по ночам не выходили из палаток? — говорит Джонни Постьюмус.

Наш проводник и старший группы приблизился так тихо — я даже не заметила, что он вернулся с реки. Джонни стоит теперь прямо у меня за спиной, и я поворачиваюсь к нему. Фамилия у него более чем мрачная — Постьюмус¹,

¹ Фамилия созвучна с английским словом posthumous, что означает «посмертный».

но она довольно широко распространена среди поселенцев-африканеров¹, чьим потомком он является. В его лице — решительные черты предков-голландцев. У него светлые, выжженные солнцем волосы, голубые глаза, загорелые до черноты ноги в шортах хаки, похожие на древесные стволы. Комары, как и жара, совсем его не тревожат, и он не носит шляпы, не пользуется мазями или репеллентами. Он вырос в Африке, а потому у него закаленная кожа, нечувствительная к местным неудобствам.

— Она пришла сюда перед рассветом, — говорит Джонни и показывает на кусты по краю лагеря. — Вышла из зарослей, пошла на огонек и заглянула мне в глаза. Красавица, большая и здоровая.

Его спокойствие удивляет меня.

— Вы что, видели ее?

— Я вышел из палатки, стал разводить костер к завтраку, тут она и появилась.

— И что вы сделали?

— Ровно то, что советовал делать и вам в подобной ситуации. Встал во весь рост. Чтобы она хорошо разглядела мое лицо. У травоядных животных, вроде зебр или антилоп, глаза по сторонам головы, а у хищников глаза смотрят вперед. Всегда нужно показывать кошке лицо. Пусть увидит, где у вас глаза, поймет, что вы тоже хищник. И тогда дважды подумает, прежде чем напасть. — Джонни оглядывает семерых клиентов, которые платят ему за то, чтобы остаться живыми в этих диких краях. — Хорошо запомнили? По мере того как мы будем уходить глубже в буш, будем встречать больше крупных кошек. Если увидите какую-нибудь, встаньте во весь рост и постарайтесь казаться как можно крупнее. Смотрите им в глаза. И ни в коем случае не убегайте. Если вы стоите на месте, ваш шанс выжить выше.

¹ *Африканеры* — группа населения ЮАР, потомки колонистов голландского, немецкого и французского происхождения.

— Вы столкнулись с леопардом, — говорит Эллиот. — Почему не воспользовались этим? — Он показывает на ружье, которое всегда на плече у Джонни.

Джонни отрицательно качает головой:

— Я не стану стрелять в леопарда. Не хочу убивать больших кошек.

— Но ружье — разве оно у вас не для этого? Не для того, чтобы защищаться?

— Их слишком мало осталось в мире. Эта земля принадлежит им, мы здесь пришельцы. Если бы леопард напал на меня, не думаю, что я убил бы его. Даже ради спасения собственной жизни.

— Но к нам это не относится, верно? — с нервным смешком спрашивает Эллиот, оглядывая нашу группку. — Чтобы защитить кого-то из нас, вы застрелите леопарда?

Джонни ответил с иронической улыбкой:

— Посмотрим.

К полудню мы собрали вещички и приготовились двинуться глубже в буш. Джонни садится за руль, Кларенс — на место следопыта, выступающее над бампером. Мне это место кажется опасным: он сидит там и болтает ногами, легкая добыча для любого льва. Но Джонни уверяет нас, что, пока мы держимся машины, — мы в безопасности, потому что хищники считают, будто все мы — часть огромного животного. «А выйди из машины — и ты готовая закуска. Все поняли?»

Да, сэр. Мысль ясна.

Здесь совсем нет дорог, только чуть примятая трава, где проезжавшие прежде машины спрессовали мягкую землю. Шрамы, которые оставляет единственный проехавший автомобиль, могут залечиваться месяцами, говорит Джонни, но я думаю, что так глубоко в дельту заезжают не многие. Мы уже в трех днях езды от посадочной полосы в буше, на которой приземлился наш маленький самолет, а так еще и не видели ни одной машины в этих диких местах.

Дикие места... Еще четыре месяца назад, сидя в лондонской квартире и слушая, как дождь стучится в окно, я даже не верила в их существование. Когда Ричард подозвал меня к компьютеру и показал сайт о сафари в Ботсване, где он хотел провести вместе со мной отпуск, я увидела фотографии львов и бегемотов, носорогов и леопардов — всех животных, знакомых нам по всевозможным зоопаркам. Именно так я себе это и представляла — гигантский парк с бесклеточным содержанием зверей, удобными домиками и хорошими дорогами. Как минимум с дорогами. На сайте говорилось «палаточный лагерь в буше», но я представляла себе большие симпатичные палатки с душем и цивилизными туалетами. Никак не думала, что буду платить деньги за удовольствие сидеть с голой задницей за кустиком.

Ричарда отсутствие удобств ничуть не волнует. Он в таком восторге от Африки, что ничего не замечает. Мы едем, а он без устали щелкает фотоаппаратом. Камера мистера Мацунаги, сидящего позади, издает звуки не менее интенсивно: щелчком он отвечает на щелчок, вот только объективчик у него получше. Ричард не хочет этого признавать, но стоит ему увидеть хороший объектив, как его разбирает зависть; уверена, когда мы вернемся в Лондон, он сразу полезет в Интернет, чтобы прицениться к такому объективу, как у мистера Мацунаги. Вот как сражаются современные мужчины — не копьями и мечами, а кредитными карточками. Моя платиновая бьет вашу золотую. Бедняга Эллиот со своей жалкой «минолтой» повержен в прах, но, думаю, он не особо возражает, потому что опять втиснут на заднее сиденье вместе с Вивиан и Сильвией. Оглядываюсь на эту тройцу и перехватываю взгляд миссис Мацунаги. Она тоже явно покорила воле своего мужчины. Уверена, что ее представление о хорошем отдыхе тоже не включает в себя отправление нужды за кустиком.

— Львы! Львы! — кричит Ричард. — Вон там!

Камеры начинают щелкать быстрее, а мы подъезжаем так близко, что я вижу мошек, оккупировавших бок самца.

Рядом с ним три самки нежатся в тени комбретума. Внезапно за моей спиной начинаются разборки по-японски, я поворачиваюсь и вижу, что мистер Мацунага вскочил на ноги. Жена схватила его за куртку, отчаянно сопротивляясь попытке мужа выскочить из машины, чтобы сделать фото лучше.

— Сесть! Быстро! — Голос Джонни звучит так, что никто — ни человек, ни животное — не может ослушаться. — Немедленно!

Мистер Мацунага падает на сиденье. Даже львы, кажется, испуганы, все они смотрят на механическое чудовище с восемнадцатью парами рук.

— Помните, что я говорил, Исао? — жестко произносит Джонни. — Вышли из машины — вы покойник.

— Я так возбудился, что забыл, — бормочет мистер Мацунага и склоняет голову в знак извинения.

— Слушайте, я всего лишь пытаюсь обеспечить вашу безопасность. — Джонни выпускает глубокий вздох и продолжает спокойным тоном: — Извините, что накричал. Но в прошлом году один мой коллега был на фотоохоте с двумя клиентами. Он не успел их остановить, и они выпрыгнули из машины, чтобы сделать снимки. Львы быстро бегают — они тут же оказались на месте.

— Вы хотите сказать, они их съели? — говорит Эллиот.

— Львы для этого и рождены, Эллиот. Так что прошу вас, наслаждайтесь видами, но из машины. Договорились?

Джонни издает смешок, чтобы снять напряжение, но мы все еще напуганы — стайка непослушных детишек, которым устроили головоломку. Камеры щелкают реже, снимки делаются лишь для того, чтобы скрыть одолевшее нас чувство неловкости. Мы все потрясены тем, как Джонни обрушился на мистера Мацунагу. Я смотрю в спину Джонни — она прямо передо мной, и мышцы на его шее напряжены до предела. Он снова заводит машину. Мы оставляем львов и едем дальше, к месту следующей стоянки.

Перед заходом появляется выпивка. После пяти палатки уже расставлены, костер горит, следопыт Кларенс открывает алюминиевый ящик с напитками, который весь день трясся в багажнике машины, и вытаскивает джин и виски, водку и «Амарулу». К последнему я особенно прикипела — это сладкий ликер на основе африканского дерева марула. Вкус у него как у тысячи пьянящих калорий кофе с шоколадом — нечто такое, что любой ребенок отхлебнет незаметно, стоит только матери повернуться к нему спиной. Протягивая мне стакан, Кларенс подмигивает, словно я в этой компании самое проказливое дитя, ведь все остальные попивают взрослые напитки типа теплого джина с тоником или неразбавленного виски. Если задуматься, то понимаешь, что это часть программы пребывания в Африке: «Нет, вы посмотрите, как здесь хорошо». Хорошо, когда все неудобства дня, все насекомые и напряжение между мной и Ричардом растворяются в приятном головокружении, я могу усесться на складной стул и созерцать закат. Кларенс готовит простой ужин из тушеного мяса, хлеба и фруктов, Джонни огораживает лагерь по периметру проводом с маленькими колокольчиками, которые должны нас разбудить, если к нам забредет кто-нибудь непрошенный. На фоне заходящего солнца я вижу, как Джонни неожиданно замирает с поднятой головой, будто принюхиваясь и воспринимая тысячи запахов, о которых я даже не подозреваю. Он словно одно из существ буша — чувствует себя как дома в этих диких местах, и я ничуть не удивлюсь, если он раскроет рот и заревет на львиный манер.

Я поворачиваюсь к Кларенсу, который помешивает мясо в котелке.

- Вы давно работаете с Джонни? — спрашиваю я.
- С Джонни? Первый раз.
- Вы прежде никогда не были у него следопытом?

Кларенс щедро сыплет перец в варево.

— Следопыт у Джонни мой двоюродный брат. Но на этой неделе Авраам в деревне на похоронах. Он просил меня заменить его.

— А что Авраам говорил о Джонни?

Кларенс усмехается, его белые зубы сверкают в сумерках.

— Ну, он рассказывает про него много историй. Много историй. Он считает, что Джонни должен был родиться тсонгой¹, потому что похож на нас. Только лицо у него белое.

— Тсонга — так называется ваше племя?

Он кивает:

— Мы из провинции Лимпопо. В Южной Африке.

— Это на языке тсонга вы иногда говорите между собой?

Он виновато смеется:

— Когда не хотим, чтобы вы поняли о чем.

Его слова звучат не очень-то лестно, мне кажется. Я смотрю на других сидящих у костра. Мистер и миссис Мацунага прилежно просматривают на камере сделанные за день фотографии. Вивиан и Сильвия сидят в своих декольтированных маечках и излучают феромоны, отчего бедный неловкий Эллиот, как обычно, рассыпается перед ними мелким бесом, пытаясь привлечь внимание: «Вам, девчонки, не холодно? Свитеры не принести? Джин с тоником будете?»

Из нашей палатки появляется Ричард в свежей рубашке. Его ждет стул рядом со мной, но он проходит мимо. Садится подле Вивиан и начинает заливаться соловьем:

— Как вам сафари? Бываете ли вы в Лондоне? Когда выйдет роман «Блэк-джек», буду рад послать по экземпляру с автографом вам и Сильвии.

Они, конечно, знают, кто он такой. Не прошло и часа с момента знакомства, как Ричард ненавязчиво сообщил всем, что он — Ричард Ренуик, автор триллеров, создатель Джекмана Триппа, героя из МИ-5. К сожалению, никто не слышал ни о Ричарде, ни о его герое, а потому первый день сафари оказался довольно нервным. Но теперь Ричард вошел в прежнюю форму и занят тем, что у него получается лучше всего: очаровывает публику. Впрочем, мне кажется, что тут он хватил через край. Слишком уж через край. Но если я по-

¹ Тсонга (батсонга) — народ, живущий в Мозамбике.

том посетую на это, он ответит как обычно: «Милли, этим и должны заниматься писатели. Мы должны общаться, находить новых читателей». Забавно, что Ричард никогда не бывает общительным со старушками — только с молодыми. Предпочтительно с хорошенькими девушками. Помню, как он так же обаял меня четыре года назад, когда в магазине, где я работаю, ставил автографы на свою книгу «Варианты убийства». Сопротивляться Ричарду, когда он садится на любимого конька, невозможно. Он засовывает в рот сигарету «Голуаз», наклоняет голову к пламени зажигалки из чистого серебра, прикрыв ее от ветра сложенными в чашечку ладонями. Именно так, с мужской рисовкой, и делал бы его герой Джекман Трипп.

Пустой стул рядом со мной — словно черная дыра, куда затягивает всю мою радость. Я уже собираюсь удалиться в палатку, когда рядом со мной неожиданно усаживается Джонни. Он ничего не говорит, только оглядывает нас, словно оценивает. Я думаю, он постоянно нас оценивает, и мне интересно знать, что он видит, когда смотрит на меня. Похожа ли я на других отставных жен и подружек, которых мужчины вытаскивали в буш, чтобы ублажить свои охотничьи фантазии?

Его взгляд приводит меня в замешательство, и я вынуждена нарушить молчание.

— Эти колокольчики по периметру действительно работают? — спрашиваю я. — Или они лишь для нас, чтобы мы чувствовали себя защищенными?

— Они служат первым сигналом тревоги.

— Прошлой ночью, когда в лагерь приходил леопард, я их не слышала.

— Я слышал. — Он подается вперед, подкидывает еще несколько веток в огонь. — Вероятно, мы услышим их снова.

— Вы думаете, тут бродят другие леопарды?

— На сей раз гиены. — Он указывает в темноту за кругом света от костра. — Они сейчас наблюдают за нами, их с полдюжины.

— Что?

Я вглядываюсь в темноту и только теперь замечаю сверкающие глаза, направленные на нас.

— Они терпеливые. Ждут, не достанутся ли им объедки. Прогуляйтесь в ту сторону — и от вас останутся одни кости. — Он пожимает плечами. — Поэтому меня и нанимают.

— Чтобы мы не достались кому-то на обед.

— Мне бы не платили, если бы я терял чересчур много клиентов.

— Слишком много — это сколько?

— Вы были бы всего лишь третьей.

— Это шутка, верно?

Он улыбается. Хотя он ровесник Ричарда, годы, прожитые под африканским солнцем, оставили у его глаз морщинки. Он успокоительно кладет ладонь на мою руку, и я вздрагиваю — ведь он не из тех людей, что без нужды прикасаются к другим.

— Да, это шутка. Я не потерял пока ни одного клиента.

— Мне трудно понять, когда вы говорите серьезно, а когда шутите.

— Вы почувствуете, когда я буду говорить серьезно. — Он поворачивается к Кларенсу, который только что сказал ему что-то на тсонга. — Ужин готов.

Я скашиваю взгляд на Ричарда — видел ли он, что Джонни говорил со мной, что положил свою руку на мою? Но нет, Ричард поглощен Вивиан, я для него как будто исчезла.

— Этим писатели и должны заниматься, — предсказуемо говорит Ричард, когда мы лежим в нашей палатке той ночью. — Я всего лишь завоевываю новых читателей. — Мы разговариваем шепотом, потому что ткань тонкая, а палатки стоят одна подле другой. — И потом, у меня к ним немного покровительственное отношение. Они тут одни, две девушки в буше. Довольно смело, когда тебе всего двадцать с небольшим, правда? За это они достойны восхищения.

— Эллиот явно ими восхищается, — замечаю я.
— Эллиот будет восхищаться всем, что имеет две Х-хромосомы¹.

— Так что они тут не совсем одни. Он отправился в это путешествие, чтобы составить им компанию.

— Они, наверное, от него уже с ума сходят. Ошивается все время рядом, смотрит на них преданными глазами.

— Эти девицы сами пригласили его. Так Эллиот говорит.

— Пригласили из жалости. Он завязал с ними знакомство в каком-то ночном клубе, узнал, что они собираются на сафари. Наверное, они сказали ему: «Слушайте, вам тоже хорошо бы подумать о путешествии в буш!» Я уверен, у них и в мыслях не было, что он за ними увяжется.

— Почему ты всегда стараешься унижить его? Он кажется довольно милым. И очень много знает о птицах.

Ричард фыркает:

— Это всегда так привлекательно в мужчине.

— Что с тобой? Откуда такое дурное настроение?

— То же самое я могу сказать и тебе. Я всего лишь разговариваю с молодой девушкой, а ты уже выходишь из себя. Девчонки, по крайней мере, умеют хорошо проводить время. Им здесь все нравится.

— Я и в самом деле пытаюсь наслаждаться жизнью. Просто я не думала, что здесь будут такие суровые условия. Я ожидала...

— Махровые одеяла и шоколадки на подушке.

— Но тем не менее я ведь здесь, разве не так?

— И каждый день я слышу от тебя одни жалобы. Я мечтал об этом сафари, Милли. Не надо мне портить впечатление от него.

Мы уже перешли на повышенные тона, и другие нас наверняка слышат, если еще не уснули. Я знаю, что Джонни не спит, потому что у него первое дежурство. Я представляю

¹ *Х-хромосома* — половая хромосома, у самок имеются две Х-хромосомы, у самцов одна Х-хромосома и одна Y-хромосома.

себе, как он сидит у костра и прислушивается к нашим голосам, к растущему напряжению в них. Конечно же, он в курсе нашей ссоры. Джонни Постьюмус из тех людей, мимо которых ничто не проходит, поэтому-то он и остается на своем месте, где человеческая жизнь зависит от того, насколько чуткое у тебя ухо, уловит ли оно звон колокольчика. Какими бесполезными, пустыми людишками мы, вероятно, ему кажемся. Сколько он видел распавшихся браков, сколько заносчивых людей было унижено Африкой? Буш — это не просто пункт назначения для отпускников. Это место, где ты узнаешь, что ты за букашка.

— Извини, — шепчу я и нахожу руку Ричарда. — Не хочу портить тебе сафари.

Он не отвечает на пожатие. Его рука в моей словно мертвая.

— Ты все время портишь мне настроение. Я знаю, это путешествие не отвечает твоим представлениям об отпуске, но прошу тебя, бога ради, хватит этого постного выражения на лице. Посмотри, как радуются жизни Сильвия и Вивиян! Даже миссис Мацунага не показывает вида, что ей не все по вкусу.

— Может, это из-за противомалерийных таблеток, что я принимаю, — пытаюсь оправдаться я. — Доктор сказал, они способствуют депрессии. Он говорил, что некоторые даже с ума от них сходят.

— Меня вот мефлохин ничуть не беспокоит. Девушки его тоже принимают, и заметь, всегда веселы.

Опять девушки. Вечно он сравнивает меня с этими девушками, которые на девять лет моложе меня, на девять лет стройнее и свежее. Если женщина четыре года делит с мужчиной одну квартиру, пользуется одним с ним туалетом, то как она все еще может казаться свежей?

— Мне нужно перестать принимать таблетки, — говорю я ему.

— И что, заболеть малярией? Очень умно!

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Ричард, скажи, чего ты хочешь?

— Я не знаю.

Он вздыхает и отворачивается от меня. Его спина как холодный бетон, стена, за которой спрятано его сердце, и мне теперь до него не дотянуться. Через несколько секунд он говорит тихим голосом:

— Не знаю, куда мы движемся, Милли.

Но я знаю, куда движется Ричард. Он удаляется от меня. Вот уже несколько месяцев он удаляется от меня. Потихоньку, постепенно. Правда, до сего дня я отказывалась замечать это. Списывала на счет того, что мы оба слишком заняты в последнее время. Он продирался через редактуру своего «Блэк-джека». Я с трудом пыталась закончить годовой переучет в магазине. Наши отношения наладятся, когда минует этот трудный этап. Я все время убеждала себя в этом.

За стенками нашей палатки ночь живет звуками дельты. Наш лагерь находится близ реки, где мы недавно видели бегемотов. Кажется, я слышу их сейчас вместе с кваканьем, криками и хрюканьем бесчисленных других животных.

Но в нашей палатке царит только тишина.

Вот, значит, куда уезжает умирать любовь. В палатку, в африканский буш. Находишься мы сейчас в Лондоне, я бы поднялась, оделась и отправилась к подружке за бренди и сочувствием. Но тут я в палатке, словно в ловушке, в окружении тварей, жаждущих меня сожрать. От одного лишь ощущения закрытого пространства мне отчаянно хочется выбраться наружу и с криком броситься в ночь. Вероятно, противомаларийные таблетки разрушают мой мозг. Я хочу, чтобы дело было в таблетках, потому что тогда я тут ни при чем и надежда остается. Нет, я правда должна перестать их принимать.

Ричард спит как мертвый. Как он может спать и мирно похрапывать, когда я с ума схожу? Я слушаю, как он посапывает, очень ровно, расслабленно. Этот звук свидетельствует о том, что я ему безразлична.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, он все еще крепко спит. Сквозь швы в палатке начинают просачиваться роб-

кие лучи рассвета, а я с ужасом думаю о предстоящем дне. Снова придется испытывать неловкость в машине, где мы сидим бок о бок, стараясь быть вежливыми друг с другом. Снова придется лупить себя, убивая комаров, и присаживаться за кустиками. Снова придется наблюдать за тем, как Ричард флиртует, и чувствовать, как у тебя разрывается сердце. По-моему, хуже отпуска и придумать было нельзя.

А потом я слышу женский визг.

2

Бостон

Эту новость принес почтальон. Четверть двенадцатого утра, неуверенный голос в сотовом телефоне: «Я на Сэнборн-авеню в Уэст-Роксбери, ноль-два-один-три-два. Собака... я видел собаку в окне...» Вот так об этом и стало известно бостонской полиции. Целая серия событий, толчок которым дал бдительный почтальон, один из армии рядовых сотрудников, работающих по шесть дней в неделю повсюду в Америке. Они являют собой глаза народа, и иногда только они замечают, какая из пожилых вдов не вытатила письмо из ящика, какой старый холостяк не ответил на звонок в дверь и на каком крыльце скопилась кипа желтеющих газет.

Первым свидетельством того, что в большом доме на Сэнборн-авеню, почтовый код 02132, что-то случилось, стал переполненный почтовый ящик — именно это и заметил на второй день разносчик почты Луис Мунис. Скопившаяся за два дня в ящике почта сама по себе еще не была поводом для тревоги. Люди, случается, уезжают на выходные. Случается, они забывают позвонить на почту и попросить задержать доставку на день-другой.

Но на третий день Мунис беспокоился.

Когда Мунис открыл ящик на четвертый день и обнаружил, что тот все еще набит каталогами и счетами, ему стало ясно: пора действовать.

— И вот он стучит в парадную дверь, — сказал патрульный Гэри Рут. — Никто не отвечает. Он собирается погово-

рить с соседкой, узнать, не известно ли ей чего. Потом заглядывает в окно и видит собаку.

— Вон ту собаку? — спросила детектив Джейн Риццоли, указывая на мирного с виду золотистого ретривера, привязанного к почтовому ящику.

— Да, это он. Согласно бирке на ошейнике, его зовут Бруно. Я вывел его из дома, а то он там еще... — Патрульный проглотил слюну. — Наделает дел.

— А почтальон? Он где?

— Отпросился на остаток дня. Наверно, захотел выпить чего покрепче. У меня есть контактная информация, но он вряд ли скажет больше, чем сказал я. В дом он не заходил. Сразу позвонил девять-один-один. Я приехал первым. Парадная дверь оказалась незапертой. Я вошел и... — Он покачал головой. — Лучше бы не заходил.

— Говорили с кем-нибудь еще?

— С соседкой — милая такая дама. Она вышла, когда увидела полицейские машины. Хотела узнать, что происходит. Я ей сказал только, что ее сосед мертв.

Джейн повернулась лицом к дому, где несколько дней провел мирный пес Бруно. Это был старый двухэтажный дом на одну семью, с крыльцом, гаражом на две машины и высокими деревьями перед фасадом. Дверь в гараж была закрыта, а черный «форд-эксплорер», зарегистрированный на владельца дома, припаркован на подъездной дорожке. Сегодня утром ничто не отличало бы это жилище от других ухоженных домов на Сэнборн-авеню, ничто не привлекло бы внимания полицейского и не заставило бы подумать: «Постойка, что-то тут не так». Но теперь у тротуара стояли две полицейские машины, мигали проблесковые маячки, и любому прохожему было очевидно: да, что-то здесь не так, очень даже не так. И с этим «что-то» уже готовы были разбираться Джейн и ее напарник Барри Фрост. На другой стороне улицы собралась толпа соседей, они стояли и глазели на дом. Заметил ли кто-либо из них, что хозяин не появлялся вот уже несколько дней, не выгуливал собаку, не вынимал поч-

ту из ящика? Теперь они, вероятно, говорили друг другу: «Да, я знал — что-то тут не так». Все крепки задним умом.

— Проводите нас в дом? — спросил Фрост у патрульного Рута.

— Знаете что? — сказал Рут. — Я бы предпочел этого не делать. У меня только сейчас запах в носу прошел, и мне не хотелось бы снова этим дышать.

Фрост сглотнул:

— Что, такой сильный дух?

— Я пробыл там секунд тридцать максимум. Мой напарник продержался и того меньше. Там нет ничего такого, на что мне нужно было бы обратить ваше внимание. Вы сами все увидите. — Он посмотрел на золотистого ретривера, и тот ответил игривым лаем. — Бедняга, проторчал там столько времени без еды. Я знаю, выбора у него не было, но все же...

Джейн взглянула на Фроста, который уставился на дом, как осужденный преступник на виселицу.

— Что ты ел на завтрак? — спросила она его.

— Сэндвич с индейкой. Чипсы.

— Надеюсь, тебе понравилось.

— На пользу мне это не пойдет, Риццоли.

Они поднялись по ступеням крыльца и остановились надеть перчатки и бахилы.

— Знаешь, — сказала Джейн, — есть такие таблетки, называются компазин.

— Ну?

— Хорошо помогает при утренней тошноте.

— Отлично. Буду иметь в виду, когда забеременею.

Они взглянули друг на друга и вдохнули поглубже. Последний глоток чистого воздуха. Рукой в перчатке Джейн открыла дверь, и они вошли внутрь. Фрост попытался зажать нос и не пустить туда запах, с которым они были слишком хорошо знакомы. Как его ни называй — кадаверином, или путресцином, или каким другим ученым названием, все сводилось к одному: тошнотворному запаху смерти. Но не

Герритсен Т.

Г 39 Умереть снова : роман / Тесс Герритсен ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-09079-8

Бостонский детектив Джейн Риццоли с помощью патологоанатома Мауры Айлз расследует жестокое убийство Леона Готта — таксидермиста и заядлого охотника. Его сын Эллиот пропал во время путешествия по Африке за шесть лет до этого. Между двумя происшествиями неожиданно обнаруживается связь. Полицейские выходят на Милли Джекобсон — единственную выжившую в том самом сафари. Кажется, страх навсегда изувечил ее. Но Джейн просит Милли о невозможном: шагнуть навстречу самому опасному хищнику на свете — человеку, стать для него приманкой...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕСС ГЕРРИТСЕН
УМЕРЕТЬ С НОВА

Ответственный редактор Елена Адаменко
Редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.03.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

HRBD1709202R